

Такая у меня была война...

Война, как мне кажется (любая, и эта тоже) явление грубое, грязное, лживое и разрушительное для человека, как в макро, так и в микрокосме его. При чем завоеватель ли ты или героический защитник – на выходе разницы нет.

О природе военного героизма вообще можно было бы много и парадоксально порассуждать, но я не стану. Потому что бестактно. Все равно как за свадебным столом цинично обсуждать сексуальное прошлое невесты. Люди живы, пьют и радуются – вот и слава богу.

Но есть у меня одна слабость. Я люблю стариков, особенно повоевавших. Это оттого, что мне очень повезло с семейным старшим поколением. Люди они были простые, чуждые воспитательным изыскам, и поэтому никогда мне не врали. На прямо поставленный вопрос я обычно получала прямой и честный ответ, без скидок на впечатлительное и нежное детское восприятие. Поэтому я выросла не на «телевизорном» варианте прошедшей войны, а на рассказах моих бабок, дедов и выживших дядьев. А это был, доложу вам, тот еще экшен.

Одна из моих бабок до последнего дня своего больше всех фашистов, вместе взятых, люто ненавидела героя Советского Союза Гризодубову Валентину Степановну вместе со всей ее авиацией дальнего действия. Потому что в сорок втором именно ее «соколы», промахнувшись мимо немецкой комендатуры, ^бнули со всей дури по безупречному бабкиному хозяйству, прицельно разнеся нужник на краю огорода. Бабка осталась с двумя малыми детьми на руках – без дома, без нужника и с огородом, в три слоя покрытым говном. А дело было в конце лета, и выковыривать из-под говна картошку, свеклу и морковь было, видимо, незабываемым опытом.

На беду местных, в нашей станице размещалось гестапо со всей своей карательной командой. Гестаповцы рассчитывали в два захода собрать по окрестностям всех неарийцев – евреев, татар, цыган – вывезти в степь и показательно расстрелять. Первый заход им удался. Под неарийцев попала тогда куча разношерстного народа – черных и носатых среди казаков, их баб и детей было немеряно – и расстрел оказался массовым и иррационально, чудовищно жестоким. Как рассказывала бабка, гестаповцы сделали это специально. Потому что местные бабы разобрали еврейских детей, доказывая, что вот этот черненький ее личный сын, просто в бабку мастью пошел. Поэтому набирали уже, что называется, не по пачпорту, а по физиономии. Под этот расстрел как раз попали моя вторая бабка вместе с матерью. И пережили его чудом. Чудом было упорное нежелание бабки подышать, как она говорила, «от чужой воли». Это было время, когда «завоеватели» еще брезговали добывать шевелящихся под трупами, надеясь на расстрельную команду. Но расстрельную команду на Кубани набирали из привезенных с собой чехов и румын, которым эта война, в сущности, была поперек горла. Поэтому расползающихся из ямы недострелянных баб и детей они как бы не замечали. Но и не помогали, будем уж справедливы, потому что себе дороже. Бабка еще в яме содрала с какого-то трупа платок, перевязала прострелянное бедро, пятилетнюю маму прикрыла собой и поползла через октябрьскую степь в сторону соседней станицы, где жили родственники мужа. До нее было три километра. Как доползла, бабка не помнит. Родня вырыла землянку во дворе и прятала там их обеих два долгих месяца, обогревая землянку углями в железной сетке, пока не стало понятно, что их никто не ищет. Кое-как зажившая рана сделала бабку надолго хромой, а мама, до этого болтливый и смешливый ребенок, замолчала на четыре года. И только когда в сорок шестом вернулись с войны два ее брата, она начала вспоминать, как это – издавать звуки. Ей было уже десять, когда она заново научилась говорить.

Нда. Однако, второй заход гестаповцам не удался. Местные, нагледевшись на первый расстрел, что называется, закусил удила. Одно дело лаяться с «жидами» и «татарвой» на базаре, а совсем другое – смотреть, как расстреливают семью старого, всеми уважаемого, учителя с дочерьми и внуками. Через месяц в окрестных станицах не осталось ни одного неарийца. Под второй расстрел должны были пойти восемь еврейских семей и десяток оседлых цыган, бежавших с соседнего конезавода. За день до ареста никого из них на месте не оказалось. Бабы делали честные глаза и клялись, что они себе не враги, у них же дети, да пусть вся эта нехристь передохнет, нам, мол, до этого вообще нет дела. «Нехристь», тем временем, в полном составе отсиживалась в известковых катакомбах, куда их переправили наемными ночью. И мой отец,

семилетний пацан, вместе со своей матерью таскал им по ночам еду, собранную по дворам. Немцы, конечно, были не дураки, и поставили людей у всех известных входов и выходов из катакомб, но чтобы передать хавку и лекарства, не обязательно было туда заходить. Станичные мальчишки знали много сквозных дыр, куда влезть было нельзя, но втиснуть торбу величиной с кошку – запросто.

«Гестапа», натурально, рассердилась, и готовилась к масштабной карательной акции, но тут, слава богу, обозначились партизаны, и качественно раскурочили в трех местах железнодорожное полотно, по которому шли составы с техникой и провизией во славу Великого Рейха. Вернее, должны были идти. Тогда «гестапа» решила, что вместо массовых расстрелов лучше собрать оставшихся в живых местных на починку дороги, а сама принялась гоняться по степу за летучими отрядами партизан. Но степь, особенно зимой, это вам не лес, и шутки с ней плохи. Это только кажется, что спрятаться в ней невозможно. Просто местА знать надо. А атака из «казачьего схрона» вообще, я так думаю, была чрезвычайно зрелищна. Казачий схрон – степная засада в стиле древних скифов, когда казаки ложатся в заранее выкопанные ямы, прикрываясь сверху плетенкой из ковыля и утопанной земли, и ждут, пока «завоеватели» подойдут ближе. Разглядеть засаду, даже вблизи, невозможно – степное пространство имеет свойство «замыливать» глаз, то есть сливаться в единое цветковое пятно. Поэтому когда из-под земли в полуметре от физиономии выскакивает вооруженный человек, то даже подготовленный военный, скажем так, обычно немного теряется. Опять же, крутые прикубанские берега, зыбучие пески, омуты подо льдом – вобщем, было где разгуляться удали молодецкой.

«Гестапе» не хватало надежных людей, и она сняла охрану при катакомбах. Пока Гансы-Дитрихи с нашими казачками увлеченно молотили друг друга в степи, станичные бабы под всякой снедью и тряпьем, вывезли по одному в телегах всех пещерных обитателей, и передали партизанам. Они едва успели, потому что слабая здоровьем еврейская интеллигенция и привыкшие к свету и воздуху цыгане в большинстве своем вот-вот собирались отдать богу душу. Сторожившие выезд из станицы чехи разводили глаза в разные стороны, флиртовали с бабами и ни разу не проткнули штыком содержимого ни одной телеги, хотя имели на это прямой приказ. Думаю, что это был вариант пассивного сопротивления. Подневольные ж люди, а все-таки. Хоть какой-то кукиш в кармане.

Партизаны переправили оставшихся в живых с первым же «связным» самолетом в тыл. В пещерах было похоронено пятеро детей и два старика, но большинство из прятавшихся в катакомбах пережили войну.

Я как-то спрашивала бабку Ольгу, мать отца, страшно ли ей было? Под страхом смертной казни, мол, как они с бабами решились? Бабка молчала минут двадцать, я уже и не ждала ответа, когда она, помешивая борщ и не глядя на меня, вдруг заговорила.

- Сначала-то вроде при немцах ничего было. Они нам шоколад таскали и мыло – очень уж боялись, что вшей от нас наберутся. А потом, как гестапо переехало в станицу, так и житья не стало, - бабка поморщилась от воспоминания, - Они дитев убивали. Много – и жиденят, и казачат, всяких. Взяли прямо в детском саду, с воспитательницей. Была у нас такая, Эсфирь Абрамовна. Вот с ней вместе двадцать дитев и взяли. Уж она так кричала, родимая, так их умоляла, и диты к ней жмутся, плачут все. Ничего их, извергов, не брало – так и поволокли всех кучей к яме. Мы все это видели, да что бабы могли сделать? Немцы-то думали, что мы обсеримся со страху. А мы как в уме повредились. На своих дитев глядим – а тех слышим. И днем, и ночью. Вот и решили хоть кого-то укрыть, чтобы только не по их, не по-иродово, вышло.

Она вытерла руки о передник, присела ко мне и посмотрела прямо в мое серьезное лицо.

- Не помню страху. Злобу помню. Как в октябре зубы сжала, так и расцепила только в марте, когда наши пришли. А на злобе-то чего не сделаешь. По углям пройдешь, и не заметишь.

Шел сорок третий год. Наши наступали, и «гестапа» заматалась. Отходя, немцы заминировали окрестности станицы, не жалея взрывчатки. «Окрестности» - это огромный мелькомбинат и склады с зерном и мукой. Заминирован был каждый квадратный метр всей территории. Взрыв должен был снести всю станицу.

Ночью в оставленные немцами Гулькевичи, еще не занятые нашими, пришел мой дед, отец матери, старый подпольщик, вместе с минером из партизанского отряда. Взглядом остановил кинувшуюся было к нему бабку, погладил мать по голове, и сказал:

- Еще не вернулся. Погодьте трошки, - взял плащпалатку, ножницы, какими стригут коз, и вышел.

Вдвоем с этим сапером, молодым парнем, они за ночь разминировали весь мелькомбинат. Перерезали около двухсот проводов. Сапера дед приволок к утру на горбу – парень был не в себе от нервного напряжения, и

весь день то блевал, то плакал. Его уложили во дворе в гамаке, и мамка бегала к нему с тазиками и водой. Дед сидел в хате и пил. Бабка сидела возле него и держала за рукав рубашки – боялась отпустить.

Уже к концу войны, по ходатайству командира части, занявшего Гулькевичи, дед был представлен к Орденом Красного Знамени за этот суицидальный жест доброй воли.

Их старший сын, Василий, в это время воевал в танковой бригаде. Дядька Василий был человеком, лишенным воображения. Известно, что такие люди обычно не знают страха и сомнений, и обладают талантом к выживанию в любых ситуациях. Вся история его жизни – подтверждение этой аксиомы. Он дважды горел в танке, и дважды, едва залечив ожоги, возвращался на передовую. Рассказывал, как после Курской битвы он таскал из Олешни воду в гнутой каске и смывал, матерясь, с гусениц танка чьи-то кишки и запекшуюся кровь. Рассказывал, что первый год наши «драпали, как сброд», а великодержавный шовинизм и советский задор на глазах опадали с молодых перепуганных мальчишек, как старая штукатурка. От страха и неожиданности сдавались в плен сотнями, пока не вышел приказ Сталина, где плен приравнивался к предательству, а, следовательно – к расстрелу, и даже аресту семьи.

- Фрицы нам такого леца дали, мы аж до Москвы летели кубарем, - говорил дядька, - Перебили нашего брата, вспомнить страшно. Пехоте особо досталось. Все дураки сопливые, необученные. Мы-то что. Танкистом назвался, считай, уже покойник. Я вот и не надеялся, что обратно вернусь. Из моих первых никто до конца не дошел. Я три раза экипаж менял. А сам вот – остался...

В 44-ом в составе 10-го гвардейского танкового корпуса дядька освобождал концентрационный лагерь в Люблине. То есть фактически въехал одним из первых в лагерь и помогал выводить то, что осталось там от людей, на воздух. Удивить его живыми скелетами было нелегко – в тридцатых он пережил вместе с бабкой украинский голодомор и повидал всякого. Так что пока они сгружали полутрупы в грузовики, вынимали из известковых ям изъеденные язвами детские тельца, он не чувствовал в себе никакой истерики. Был занят делом. Но потом, когда лагерь опустел, и оттуда вывезли даже мертвецов, все, кто участвовал в освобождении, получили шесть часов отпуска. Дядька хлопнул водки, взял именное оружие и вышел в город.

... И очнулся через шесть часов на окраине, с чугунной головой и пустым наганом. Что делал все это время, и куда всадил семь пуль, он не помнил.

Эти шесть часов беспамьятства мучили его до самого конца. В день Победы он обычно в одиночестве надирался до синевы, заново переживая единственный в своей жизни нервный срыв.

А тогда он решил проблему кардинально. Еще в лагере, в бараке польских евреев, он заметил девочку, чуть младше его сестры, моей мамы. К сестре он был очень привязан. А это лысое худое существо с большими немигающими зелеными глазами вцепилось ему в штанину и не хотело отпускать. На утро следующего дня он съездил в больницу, куда определили всех лагерников, разыскал девочку, оформил бумаги на удочерение и через неделю отправил ее к своей матери вместе с граммофоном, туалетным мылом и союзническими сигаретами.

Так я, еще не родившись, обзавелась двоюродной сестрой, старше меня на сорок лет.

Бабка только всплеснула руками, когда получила полудохлого человеческого детеныша, и принялась выхаживать ее со всем своим крестьянским хозяйственным пылом.

И вот из бледного немого заморыша на кубанских наливках выросла рыжая девица обжигающей красоты, независимого нрава и такого бешеного темперамента, что неверующий дядька аж перекрестился, когда она, наконец, вышла замуж. Она была любима всеми и всегда, и даже младшая кровная дочь дядьки обожала ее с самого рождения. Сейчас она превратилась в красивую старуху с отличным чувством юмора и легкой насмешливой искрой в поблекшем зеленом глазу.

Парадоксально, но все это не помешало моей многочисленной родне всю жизнь исповедовать молчаливый местечковый национализм, сверху чуть припорошенный снисходительной вежливостью.

Вот такая у меня была война.

Старики мои, не смотря на их упрямое долгожительство, уходят один за другим, остановить я этого не могу. После них остаются только образы, вложенные мне в голову, и лица.

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)